

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА /
POLITICAL REGIONAL STUDIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2015. Т. 13. С. 76–82

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 329.15(571.53)(092)

**Руководители Иркутского губернского (окружного)
комитета РКП(б) – ВКП(б): опыт создания
коллективного портрета. Часть 2**

Л. Н. Метёлкина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализ состояния региональных политических элит, особенно первых десятилетий существования советской власти, зачастую осложняется недостатком необходимых для этого данных. В подобной ситуации представляется перспективным применение просопографического метода исследования. Данный метод позволяет привести любую имеющуюся биографическую информацию, вне зависимости от ее объема, к систематизированному и однообразному виду. По существу, просопография предлагает систему, позволяющую организовать недостаточно полную информацию таким способом, что она приобретает дополнительное значение и способна дать основания для выведения закономерностей, соединяет более или менее большое число биографий в количественное и статистическое исследование, целиком объединяющее все эти биографии. При этом в основу такого исследования могут быть положены не только впервые вводимые в научный оборот источники, но и уже опубликованные данные. В рамках предлагаемой статьи просопографический метод стал основой изучения корпуса 12 председателей и ответственных секретарей Иркутского революционного, губернского (окружного) комитетов в 1920-е гг. Сопоставление полученных результатов с выведенными У. Е. Моссом, Ш. Фитцпатрик и Дж. М. Истером закономерностями, свойственными персональному составу региональных партийных руководителей 1920–30-х гг., позволяет сделать выводы о частичной их применимости к руководителям Иркутского региона. В целом год рождения большинства из них соответствует временным рамкам 1885–1895 гг., установленным в качестве наиболее характерного для рождения провинциальных руководителей данного периода. Социальное происхождение также подтверждает вывод о преобладании в среде региональных руководителей 1920–30-х гг. выходцев из мелкобуржуазных и «низших» слоев общества. По уровню образования иркутские партийные руководители 1920-х гг. не выбивались из общего тренда: более половины из них имели образование не выше среднего. Профессиональной партийной деятельностью до 1917 г. занимались лишь пятеро из них. Ни один из иркутских партийных руководителей 1920-х гг. не был в эмиграции в дореволюционный период, не участвовал в событиях Февральской и Октябрьской революциях 1917 г. в Петрограде, что целиком соответствует установленной в качестве общероссийской закономерности. При этом в отношении Иркутского региона не подтверждается положение о том, что именно русские составляли примерно половину состава руководителей. Равным образом даты начала исчисления партийного стажа иркутских ру-

ководителей не укладываются в выведенную закономерность о двух «пиках» массового вступления в партию будущих региональных руководителей, приходящихся на 1905–1906 и 1912–1913 гг.: четверть из них вступили в партию до 1905 г., а треть – уже в 1917 г. и даже позже. Нет и – вопреки заявлению о распространенности этой тенденции среди большинства региональных руководителей к концу 1920-х гг. – среди иркутских руководителей ни одного члена ЦК ВКП(б). При этом имеющиеся данные позволили сделать вывод о ряде дополнительных аспектов, не анализируемых вышеназванными исследователями: место рождения, наличие репрессий в до- и послереволюционный период и др. В совокупности все это позволяет создать коллективный портрет руководителя Иркутского губернского (окружного) комитета 1920-х гг.

Ключевые слова: руководители региональных партийных комитетов, комитетчики, профессиональные революционеры, просопографический метод, коллективный портрет.

Следует отметить, что руководители Иркутского губернского (окружного) комитета РКП(б) – ВКП(б) – с точки зрения **года рождения** – не в полной мере (только 8 из 12) соответствуют временным рамкам 1885–1895 гг., установленным Дж. М. Истером в качестве наиболее характерного для рождения провинциальных руководителей периода. Четверо выходят за пределы этого периода: 1 – 1883 (А. А. Ширямов) и 3 – 1896 (Л. Б. Рошаль), 1897 (В. Ф. Шарангович) и 1898 (М. Б. Черномордик) годов рождения. При этом самым молодым – на момент вступления в должность (хотя и только в качестве «и. о.») – стал в 1923 г. М. Б. Черномордик (25 лет), самым «взрослым» – в 1920 г. А. А. Ширямов (37 лет).

Социальное происхождение известно только у 7 человек, из них 4 – из крестьян, 2 – из торговых служащих, 1 – сын портного, что в целом соответствует отмеченной особенности – преобладание в среде региональных руководителей 1920–30-х гг. выходцев из мелкобуржуазных и «низших» слоев общества.

Сведения о **национальной принадлежности** имеются в отношении только 10 из 12 руководителей Иркутского комитета. Из них: русских – 4, евреев – 3, украинец – 1, белорус – 1, латыш – 1. Неполнота данных не позволяет сделать окончательные выводы, однако имеющиеся сведения, по меньшей мере, не подтверждают положения о том, что именно русские составляли примерно половину состава руководителей в отношении Иркутского региона.

Что касается **уровня образования**, то по данному показателю иркутские партийные руководители 1920-х гг. не выбивались из общего тренда: 4 из 12 имели только начальное образование, еще 4 – незавершенное и полное среднее образование, 2 – незаконченное высшее образование (А. А. Гриневич, юридический факультет Петербургского университета; Н. Н. Зимин, Московский университет).

При этом крайне противоречивы данные относительно образования А. А. Ширямова и Л. Б. Рошаля. И если в первом случае данные разнятся от незаконченного начального до четырех классов гимназии или городского училища в сочетании с курсами самообразования, то во втором – расхождения еще больше: от начального образования до прохождения 1-го курса факультета общественных наук в Московском университете, что уже предполагает наличие предшествующего образования в объеме среднего [1; 2].

Однако и эта неопределенность никак не опровергает общероссийской закономерности, выведенной Дж. М. Истером: более половины иркутских региональных руководителей в 1920-е гг. имели образование не выше среднего.

Отсутствие необходимых данных, по крайней мере о половине руководителей Иркутского комитета, не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть положения о том, что большинство из них до вступления в партию, по-видимому, хотели стать квалифицированными рабочими, а вступив в партию, не имели другой работы, кроме партийной, и вели жизнь профессиональных революционеров. Данные об имеющейся – на момент вступления в партию – профессии есть лишь у 5 человек из 12, причем только в двух случаях указаны действительно рабочие специальности.

Прямые и косвенные сведения о профессиональной партийной деятельности до 1917 г. имеются в отношении лишь пяти иркутских партийных руководителей (М. Ф. Левитина, М. М. Ноздрин, А. А. Ширямова, Я. Д. Янсона и Я. Б. Шумяцкого). Однако у последнего значительный период профессиональной партийной деятельности был связан с работой в бундовских организациях.

Что касается момента вступления в РСДРП, то даты начала исчисления партийного стажа руководителей Иркутского комитета 1920-х гг. никак не укладываются в заявленную Дж. М. Истером закономерность о двух «пиках» массового вступления в партию будущих региональных руководителей, происходящих на 1905–06 и 1912–13 гг.

Так, в 1900–1905 гг. в РСДРП вступили 3 (М. М. Ноздрин, А. А. Ширямов, Я. Д. Янсон), в 1908–1909 гг. – 2 (М. Ф. Левитин, Я. Б. Шумяцкий), в 1912–13 гг. – 2 (А. В. Гриневич, М. Н. Рютин), в 1915 г. – 1 (Н. Н. Зимин), в 1917 г. – 3 (М. Б. Черномордик, Д. Б. Рошаль, В. Ф. Шарангович), причем двое последних – уже в ноябре-декабре 1917 г., в марте 1919 г. – 1 (Д. К. Чудинов). Таким образом, в качестве особенности, характерной для иркутских партийных руководителей 1920-х гг., следует отметить то, что треть из них – 4 человека – вступили в партию на «поздних» сроках: в 1917 г. и позже.

При этом следует отметить, что, по крайней мере, у 3 из 12, еще до вступления в РСДРП(б), был опыт работы в других политических партиях или принадлежности к другим направлениям социал-демократических партий. Так, Я. Б. Шумяцкий не просто состоял, но был активным деятелем бундовских организаций Юга России в 1904–1907 гг., за что был арестован, осужден и сослан в Енисейскую губернию. Л. Б. Рошаль – до перехода на позиции большевиков уже в ноябре 1917 г. – в течение двух лет (с 1915 г.) был членом РСДРП (интернационалистов). Д. К. Чудинов – до вступления в РКП(б) уже в марте 1919 г. – еще с 1914 г. занимался какой-то революционной деятельностью (неопределенной направленности), за что в том же году был исключен из Иркутской учительской семинарии, а в период между Февральской и Октябрьской революциями «сочувствовал эсерам».

Ни об одном иркутском партийном руководителе 1920-х гг. нет сведений о нахождении за границей в дореволюционный период, что соответствует установленной Дж. М. Истером закономерности. Равным образом отсутствуют и

сведения об участии кого-либо из них в событиях Февральской и Октябрьской революциях 1917 г. в Петрограде.

В принципе, можно считать подтверждением установленной Дж. М. Истером закономерности – занятие будущими региональными секретарями руководящих постов в революционных военных советах, укреплявших власть на периферии в годы Гражданской войны, тот факт, что 5 человек из 10, о деятельности которых в годы Гражданской войны имеются сведения, участвовали, в том числе в качестве организаторов, в партизанском и подпольном движении непосредственно на территории Сибири (4 – Восточной, 1 – и Западной, и Восточной):

М. М. Ноздрин – командир партизанского отряда в Енисейской губернии;

М. Н. Рютин – командир партизанского отряда в Приангарье в 1918–1919 гг.;

А. А. Ширямов – председатель ЦК сибирских подпольных организаций РКП(б) в 1919 г., один из руководителей антиколчаковского восстания в Иркутске;

Я. Б. Шумяцкий – член Иркутского совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., член городской думы Иркутска по списку социал-демократов в 1917–1918 гг., арестован колчаковцами и находился в заключении в 1918–1919 гг. в Томске и Иркутске. Член Иркутского губернского революционного совета с 1919 г.;

Я. Д. Янсон – с ноября 1917 г. председатель Иркутского совета рабочих и солдатских депутатов, член Иркутского военно-революционного комитета, позже – председатель комитета советских организаций Восточной Сибири. В 1918 г. – член Центросибири. В 1919 г. – председатель НКВД РСФСР и Исполнительного комитета Коммунистического интернационала на Дальнем Востоке. В конце 1919 г. – на подпольной работе в Томске, с декабря 1919 г. – председатель Томского военно-революционного комитета.

Интенсивность горизонтальной социальной мобильности иркутских руководителей за первую половину 1920-х гг. существенно ниже средней нормы, выведенной Дж. М. Истером для российских региональных руководителей в целом: в среднем – не более 2 перемещений против 4-5 соответственно.

Пожалуй, единственным полностью неприменимым к реалиям Восточной Сибири является вывод Дж. М. Истера о том, что к концу 1920-х большинство партийных руководителей регионов стали членами ЦК ВКП(б), что явилось официальным свидетельством их элитного статуса: не только никто из ответственных секретарей Иркутского окружкома 1926–1930 гг. не был членом ЦК ВКП(б), никто и из числа ранее занимавших здесь руководящие должности не достиг этого статуса. Самым существенным достижением в этом направлении стало избрание в 1927 г. М. Н. Рютина, на тот момент секретаря Краснопресненского РК ВКП(б) Москвы, кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Имеющиеся в биографических справках данные позволяют несколько расширить круг характеристик – в сравнении с предложенным Дж. М. Истером их набором. Так, из 11 человек, по которым имеются сведения о месте их рождения, 3 являются уроженцами Иркутской губернии (М. Н. Рютин, А. А. Ширямов, Д. К. Чудинов). Это самый высокий показатель занятия руководящих

должностей в Иркутском регионе местными представителями за весь советский период. Из 8 оставшихся 5 были выходцами из западных национальных окраин Российской империи (по 1 – Виленской, Курляндской, Могилевской губерний, 2 – Черниговской губернии).

В дореволюционный период подвергались репрессиям 4 из 9 иркутских руководителей 1920-х гг., о дореволюционном периоде жизни которых есть сведения:

М. Ф. Левитин – дважды арестовывался за революционную деятельность. После ареста в 1913 г. в феврале 1914 г. был назначен к административной высылке на 3 года в Нарым.

М. М. Ноздрин – неоднократно арестовывался, трижды бежал.

Я. Б. Шумяцкий – в 1906 г. работал в бундовских организациях Черниговской губернии, несколько раз арестовывался. В начале 1907 г. был осужден к ссылке на поселение в Енисейскую губернию, откуда вскоре бежал. С 1908 г. – член Красноярского комитета РСДРП, вновь арестован и, после почти годичного заключения, административно выслан в Приангарский край. Вновь бежал и был арестован. В 1910 г. отбыл трехмесячное заключение за побег и выслан в Туруханский край. В 1911 г. арестован «за содействие побегу и сокрытие звания ссыльнопоселенца» и оставлен в Туруханском крае, где пробыл до 1916 г., после чего находился на нелегальном положении в Иркутске.

А. А. Ширямов – в апреле 1903 г. арестован по делу Иркутского комитета РСДРП, до 25 марта 1905 г. находился в заключении: сначала в местной тюрьме, затем в Александровском центральном. В 1905 г. являлся одним из организаторов рабочих боевых дружин Иркутска. С ноября 1905 г. вел партийную работу уже в Омске – в качестве члена городского комитета РСДРП. В январе 1907 г. вновь арестован, в марте выслан в Тотьму Вологодской губернии, откуда бежал.

Я. Д. Янсон – арестован в Риге в ноябре 1908 г. и 26 ноября того же года Временным военным судом приговорен за принадлежность к ЛСДРП и участие в Рижской конференции по ст. 102 УУ к 6 годам каторги, которую до 1912 г. отбывал в Рижском, а остальной срок – в Орловском каторжных централах. На поселение водворен в 1914 г. в с. Манзурка Иркутской губернии.

Таким образом, по крайней мере двое – из числа «неместных» уроженцев – еще до революции, хотя и вынужденно, оказались в пределах Восточной Сибири и, к моменту занятия руководящих должностей в партийных органах, уже имели определенный опыт работы именно в сибирских условиях.

Из 12 человек, возглавлявших Иркутский губернский (окружной) комитет РКП(б) – ВКП(б), дата и обстоятельства смерти известны у 11, из них 10 были репрессированы в 1932–1940 гг., 9 – расстреляны.

Единственным избежавшим расстрела из числа репрессированных оказался Я. Б. Шумяцкий, который в 1938 г. был арестован, осужден, сослан в Красноярский край, в 1954 г. освобожден из ссылки, получил разрешение вернуться в Москву, реабилитирован и восстановлен в партии.

Наиболее же трагичной оказалась судьба М. Н. Рютина, который был трижды репрессирован: в 1930, 1932 и 1937 гг. Если вскоре после первого ареста – уже в январе 1931 г. – Особое совещание при ОГПУ оправдало Рютина за не-

доказанностью предъявленных ему обвинений, то второй арест привел уже к реальному сроку: 10 лет тюремного заключения по обвинению в участии в контрреволюционной организации правых. Летом 1936 г. М. Н. Рютин был возвращен в Москву в связи с готовившимися тогда московскими процессами и 10 января 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к смертной казни.

Средняя продолжительность жизни иркутских партийных руководителей 1920-х гг. (11 из 12) составляет почти 50 лет. Однако столь солидная продолжительность достигнута главным образом за счет двух «долгожителей» – А. А. Ширямова и Я. Б. Шумяцкого, доживших до 72 и 76 лет соответственно. Реальный же средний возраст расстрелянных в 1937–1940 гг. бывших иркутских секретарей оказывается существенно ниже – чуть более 43 лет.

Если попытаться создать коллективный портрет секретаря Иркутского губернского (окружного) комитета РКП(б) – ВКП(б) 1920-х гг., получится следующий собирательный образ. Мужчина, не уроженец Сибири, нерусский, ни по социальному происхождению, ни по роду деятельности до революции не являющийся рабочим. Образование – ниже среднего. В РСДРП вступил в возрасте 20–24 лет, подвергался репрессиям за свою революционную деятельность в дореволюционный период, главным образом – различным вариантам ссылки. Во время революции и Гражданской войны активно работал в партийных и советских органах, имел опыт партизанской или военной деятельности. На момент занятия должности секретаря Иркутского губернского (окружного) комитета находился в возрасте около 30 лет. Для большинства опыт работы в качестве руководителя в Восточной Сибири не стал определяющим для дальнейшей карьеры – в качестве партийного функционера регионального уровня. Вместе с тем и успешной карьеры в центральных органах власти никому из них не суждено было сделать.

Список литературы

1. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 [Электронный ресурс] : сайт. – URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения: 14.02.2015).
2. Чиликова Е. В. Евреи в партноменклатуре Казахстана (1920–1940-е гг.) / Е. В. Чиликова // Евреи в Казахстане. История, религия, культура : материалы III Международн. науч.-ист. конф. 27 окт. 2006 г., г. Алматы. – Алматы, 2006. – С. 5–16.

Leaders of the Irkutsk Province (District) Committee of the RCP(b) – VKP(b): the Experience of Creating a Shared Portrait. Part 2

L. N. Metelkina

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The analysis of the status of regional political elites, particularly during the first decades of Soviet power, is often complicated because of lack of necessary data. Thus appli-

cation of prosopographical research method seems to be forward. Due to method it is possible to make any available biographical information, regardless of its quantity, systematic and uniform. Essentially, prosopographia is the method of arranging incomplete information in such a way that it acquires additional value and reveals regularities, combines not large number of biographies in a quantitative and statistical study comprising all these biographies. Moreover, using this research both firstly introduced into scientific use sources and already published data can be studied. As part of the article prosopographical method became the basis of a study of body of 12 Chairpersons and Executive secretaries of the Irkutsk revolutionary, provincial (district) committees in the 1920s. Comparing the results obtained with regularities deduced by M. E. Moss, W. Fitzpatrick and J. M. Easter of peculiar to regional party leaders in 1920–1930s, it is possible to draw conclusion about their partial applicability to the leaders of the Irkutsk region. In general, the year of birth of the majority of them corresponds to the timeframe 1885–1895, defined as the most representative for the birth of provincial leaders of the period. Social background also confirms the conclusion about prevalence of people coming from petty and the «lower» strata of society among regional leaders in 1920–30. The level of education of the Irkutsk party leaders of the 1920s followed general tendency: more than half of them had secondary education. Only five Irkutsk party leaders were engaged in professional party activity through to 1917. None of the Irkutsk party leaders of the 1920s was in emigration in the pre-revolutionary period, and involved in the events of February and October revolutions of 1917 in Petrograd, which is entirely consistent with Russia-wide pattern. However the fact that it is ethnic Russians that constituted about half of the leaders is not confirmed. Neither the starting date for the calculation of the party experience Irkutsk leaders fits into the displayed pattern of two «peaks» of mass joining the party of the would-be regional leaders coinciding with 1905–06 and 1912–13: a quarter of them had joined the party before 1905, and a third only in 1917 and even later. Contrary to the statement about the prevalence of this trend among the majority of regional leaders by the end of the 1920s, there were no members of the Central Committee of the CPSU(b) among Irkutsk managers at all. The available data let the author come to conclusion that there are a number of aspects that are not analyzed by the above-mentioned researchers, they are place of birth, the repression in pre – and post-revolutionary period etc. Taken together it is possible to create a shared portrait of the head of the Irkutsk province (district) Committee in 1920s.

Keywords: heads of regional party committees, committeeman, career revolutionaries, prosopographical method, a shared portrait.

Метёлкина Лариса Николаевна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра политологии, истории и регионо-
ведения, исторический факультет*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, 410б
тел.: 8(3952)334472*

e-mail: larisa.metelkina2014@yandex.ru

Metelkina Larisa Nikolaevna

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Political Science,
History and Regional Studies, Faculty of
History*

*Irkutsk State University
1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003*

tel.: 8(3952)334372

e-mail: larisa.metelkina2014@yandex.ru